

Моховский дом Ильи оказался заперт на большой висячий замок. Озадаченный бывший жилец только пожал плечами — «Там же вообще ничего нет, зачем заперли?» — и пошёл к Ольге Серафимовне.

Та обнаружилась в огороде, где энергично окучивала капусту и заодно учила уму-разуму внука, который со страдальческой миной сидел рядом и полол грядку. Заметив подошедшего Илью, Ольга Серафимовна выпрямилась и басом произнесла:

— От-та-та, два кота! Ты откуда тут... нарисовался?

— Здравствуйте, — улыбнулся Илья. — Можно вас на минутку? — Он остановился за заборчиком, оплетённым шуршащим на ветерке хмелём, чтобы до поры до времени не показывать свои забинтованные руки.

— Виктор! — грозно сказала Ольга Серафимовна, обернувшись к внуку.

— Я удаляюсь на полчаса. Не покидайте пост! — И она неторопливо прошла между грядок к калитке.

— Ольга Серафимовна, в общем, такое дело. — Илья смущённо спрятал руки за спину. — Мне помочь нужна. Неудобно вас просить, но иначе никак... — И он показал собеседнице раскрытые ладони.

— Ёхтить-мохтить, — изящно выругалась Серафимовна. — Эт-то ещё что такое? Ну-ка пойдём в дом, расскажешь. Ожоги?

— Так точно, — сокрушённо выдохнул Илья. — У нас тут вообще... ЧеПе на ЧеПе и ЧеПе погоняет. Началось всё с того, что я девушку на болоте спас... — И он по возможности кратко и без эмоций рассказал обо всех недавних происшествиях.

Ольга Серафимовна слушала, пожёвывая губами и время от времени что-то неразборчиво бормоча.

— Так, — сказала она наконец. — Фигу тебе, а не ключ от дома. Поживёшь у меня. И цыть! — прикрикнула она, заметив, что Илья дёрнулся, намереваясь запротестовать. — Ты пойми, лыцарь недожаренный, что мне, старой, проще будет за тобой ухаживать... И присматривать, если уж на то пошло, если ты будешь у меня тут, под боком. Поэтому цыть, и точка. Постелю тебе на Витюхиной койке, а он со мной переночует. Или пусть к Андрюхе топает, ему же лучше. Пусть привидение из пододеяльников наделяют да идут девчонок пугать. А то скучно у нас тут...

— Хорошо, когда скучно, — тихо сказал Илья, покосившись на неуклюжие, обмотанные толстым слоем бинтов руки.

— Это да, — вздохнула баба Оля. — Но ты, парень, не переживай. Я тут поигрываю со Страхом помаленьку, такие штуки его отпугивают на самом деле. Когда человек сначала пугается, а потом сам над собой смеётся. Запомни, пригодится.

— Хорошо, — растерянно отозвался Илья. — Я такого не знал.

— А никто пока не знает. — Ольга Серафимовна прищурилась. — Я ж пока проверяю. Как это по-вашему, по-городскому... О! Тестирую! — Она подняла палец. — Ставлю експрекменты! Верно сказала?

— Ну, примерно. — Илья хихикнул.

— Вот, то-то же! Это мне когда-то — ух, давно! — одна мудрая старушка говорила, только я тогда сама ещё мала и глупа была, не поняла, не запомнила толком. А вот сейчас вспомнила, да решила проверить. Смех отгоняет Страх! Только настоящий смех, от веселья, а не такой, когда тебя щекотют. Понимаешь?

— Понимаю. А можно я это своему начальству расскажу?

— Ещё б нельзя, — усмехнулась Храбрая. — Надо! Баба Оля стара уже, а вдруг не успею закончить експрекменты-то. Пусть тоже займутся проверять. Так, ну давай я тебя накормлю да пойду дела доделаю. А то дождик вроде к вечеру обещали... — Она поднялась с места и начала собирать на стол.

Налив гостю чай и выложив на тарелку три огромных пирога с картошкой, Ольга Серафимовна тактично покинула кухню, догадываясь, что Илье будет неудобно при хозяйке брать еду и посуду неуклюжими руками с негнущимися и при каждом движении мучительно стреляющими болью пальцами. Илья тихо шипел, расплёскивая чай и роняя пироги, но всё-таки поел и почувствовал себя намного лучше.

— Здрасте, — раздался от распахнутого окна сиплый от смущения мальчишеский голос.

— Привет. — Илья вздохнул. Через подоконник в комнату ловко забрался один из троицы давешних «преследователей». Остановился у стены, накручивая на палец вытянутую из шва шорт нитку.

— Вы... Это, — пробормотал он, наклонив голову и быстро вскидывая на Илью взгляды исподлобья. — Извините нас. Вот. Мы не знали.

— Чего не знали? — Илья удивлённо обернулся к мальчику.

— Ну, что вы это... — Виктор нагнул голову ещё ниже и оборвал болтающуюся нитку. — Что вы страхоборец.

— О как. А теперь, значит, знаете. А откуда?

— Ну как откуда... Баба Оля сказала. Вернее, не так. — Мальчик смелее глянул на Илью, и тот ободряюще кивнул. — Я-то об этом в общем-то знал. Но не знал, что вы из них. Про бабушку-то я давно знаю, что она Страх от деревни отгоняет. Просто Андрюха и Саня... Они такие, ну, совсем городские. Они в такие штуки не верят. Засмеяли бы. Поэтому я им ничего не говорил. А когда вы уехали, мы хотели в вашем доме полазить. Ну, пустой дом, интересно же...

Не ругайтесь, мы не ломали там ничего, не портили... А баба Оля нас поймала. И заперла дом. А меня наругала и чуть не нашлётала. И сказала, чтобы я туда пацанов не водил, потому что там опасно. Ну, и рассказала почему.

— Поня-атно, — протянул Илья. — А ты, значит, не совсем городской? Верил в такие истории?

— Ну а как же! — воскликнул Виктор, уже без страха делая шаг к Илье.

— Я-то тут вырос, всего третий год в городе живу! А Саня и Андрюха там родились. Они... Не тем пропитаны, что ли.

— Хорошо сказал, — усмехнулся Илья. — Не тем пропитаны. Ну хорошо, что ты всё знаешь. Мне у вас жить пять дней, не хотелось бы... Напряжённой обстановки.

— Какая там напряжённая! — У Виктора загорелись глаза. — Мне же... Знаете как интересно! Вы же настоящий колдун, получается! Вы мне расскажете про вашу работу? Про магию! Про то, как вы Страх отгоняете! А это, — спохватился он, указав на забинтованные руки Ильи, — что у вас? Страхом обожгло?

— Да. Страхом. Случилось несколько плохих вещей. Поэтому, может, от меня лучше всё-таки подальше держаться. Бабушка сказала, что может тебя к Андрюхе отпустить. Чтобы вы в пододеяльниках девчонок пугали.

— А, — Виктор пренебрежительно махнул рукой. — Это само собой. Никуда девчонки от нас не денутся. А насчёт вас... Ну, если это опасно, бабушка меня выгонит. А если нет — значит, можно. Вы тогда расскажете? — И он уставился на Илью горящими от восторга и любопытства глазами.

— Расскажу, что ж с тобой делать, — улыбнулся Илья. — Раз уж ты тем, чем надо, пропитан...

Он на мгновение прикрыл глаза, *вслушиваясь*. Да, без рук работать тяжело... Но кое-что всё-таки слышно. Виктор — скорее всего, тоже Храбрый. Не дозревший пока, не сформировавшийся. Гусеница, которой ещё далеко до бабочки. Но задатки определённо есть. Интересно, знает ли об этом бабушка?

~~~

Вечером Ольга Серафимовна всё-таки сплавила внука к приятелю, пообещав, что завтра он сможет хоть целый день вертеться вокруг их нового жильца. Илья устроился на ночлег в маленькой комнате на жестковатом диванчике, стараясь ничего лишний раз не касаться руками — безуспешно, конечно же.

Хозяйка задёрнула занавески на дверном проёме и выключила свет, но удаляющихся шагов не слышалось.

— Что такое, Ольга Серафимовна? — встревожился Илья.

Из-за занавесок послышался вздох.

— Да вот думаю... Ладно, утро вечера мудренее. Пойду ложиться. Если что — позови. Я чутко сплю.

— Спокойной ночи, — Илья вытянулся и осторожно положил руки поверх одеяла.

— А, вот что. — Отдалившись было неторопливые шаги вернулись к порогу комнатки. — Я в полночь пойду экспримент свой вести. Витька с Андрюхой обещали в это время к девчонкам в окно стучать. Обрядившись привидениями. Пойдёшь со мной? Послушаешь, уж как сможешь.

— Да, конечно! Если усну, разбудите меня, пожалуйста!

— А то ж. Ну, поспи маленько-то, ещё два часа, считай, полтора сна посмотреть успеешь.

День выдался нелёгким, и Илья быстро уснул, хотя и явно только благодаря принятому перед ужином обезболивающему. Разбудило его осторожное прикосновение к плечу.

— Подъём, герой!

— А куда идём? — спросил Илья, всовывая ноги в галоши, выданные хозяйкой, чтобы не пришлось мучиться со шнурками на кроссовках. — Где будет происходить эксперимент?

— Через три дома. К Марусе Вирясовой внучки приехали. Девять лет и одиннадцать... Само то для нашего дела. — Илье показалось, что Ольга Серафимовна, как и её внук, по-детски предвкушает забаву.

— А баба Маша со страху не окочурится? — испугался Илья. — Как заорут эти все...

— Ты совсем дурак, что ль? — снисходительно поинтересовалась Ольга Серафимовна. — Я с ней договорилась. А то и правда можно... За злостное непреднамеренное убийство... Грех на душу взять на старости лет.

— Вот-вот, — пробормотал Илья, ёжась от ночной прохлады.

В кустах у дома бабы Маши активно, хотя и негромко шебуршало, в просветах между листвой мелькало что-то светлое.

— Стой тут. — Ольга Серафимовна придержала Илью за плечо. — Слушай. А я подальше отойду. Чтоб не фонить.

«Эх, а Виктор тоже ведь фонить будет...» — с досадой подумал Илья. Ну да ладно, тоже будет часть эксперимента — посмотреть, как Страх отреагирует на «фон» мальчишки. А то, может, Илья для Виктора вовсе и не опасен.

«Разбойное нападение» прошло успешно: несколько камешков в окно — и, выждав некоторое время, чтобы «жертвы» успели проснуться, но не сообразили включить свет, «привидения» молча бросились к окну. Взметнулись

белые «крылья», раздался полагающийся по сценарию замогильный вой — и ему ответил двухголосый девчоночный визг. Белеющие в темноте полотнища ещё несколько раз взлетели и опали... Но тут «злоумышленники» не выдержали и расхохотались. Заскрипели петли рамы, и в мальчишечий смех вплелись звенящие девчоночки голоса: «Дураки!.. Совсем, что ли?! Дураки, да?.. Витька, ты дурак! Андрюха, ты тоже... Вы с ума сошли, что ли? Я бабуле расскажу!»

Илья с удовольствием отмечал, как в голосах девчонок быстро затухает нотка слёз испуга, сменяясь азартом — вот приключение-то вышло! — и смехом. Тем самым, искренним детским смехом, когда смеёшься по большей части над самим собой, но тебе не обидно, а радостно, что опасность оказалась просто розыгрышем — и обещанием новых интересных идей для будущих проделок.

Страхоборец и сам невольно заулыбался, наблюдая, как золотистые лучики детского смеха, словно забавляясь, треплют фоновое поле Страха под домом. Так котёнок, придерживая лапками, азартно рвёт зубами листок бумаги, мотая головой и выплёвывая обрывки.

Работает!

Так, а что у нас с «фоном» Виктора?

И тут есть чему порадоваться. Рассеяние поля Страха пока слабое, но оно определённо есть. Подрастёт парень, окрепнет — и станет охранять своих близких и соседей от этой напасти. А пока — пусть веселится с друзьями. Вон, «коварное разбойное нападение» уже переросло в шутливую потасовку на подушках. Каникулы, деревня да добрая, понимающая бабушка — что ещё нужно ребятишкам для счастья?

— Ну вот, видишь, — раздался за спиной довольный голос бабы Оли, — работает. Пойдём спать, пусть ребятня дальше играется. Чай, утром не в школу, пусть бесятся, пока можно.

— Ну, выяснили мы, что смех рассеивает Страх, — сказал Илья, идя за хозяйствкой к дому. — А толку с этого? Практической пользы, я имею в виду.

— А насчёт практической пользы — это уж пусть ваши высокоучёные головы судят, — ворчливо отозвалась Ольга Серафимовна. — Я вам экспримент провела — а вы уж думайте, к чему его приложить. Как подорожник к ссадине, хе... В науке ж так вроде и делается, а? Одни чего-то изобретут, а вторые уж думают, какая с этого польза. А может, пользы и нет вовсе, окромя как иностранцам носы утереть — вот, мол, какие мы умные...

— Так и есть, — хмыкнул Илья. — Теоретическая и прикладная наука.

— Во-о, я ж говорю — прикладывать, как подорожник... Ладно, марш спать, подыму раненько... дело есть.

— Какое дело?

— Цыть, герой. Утром узнаешь.

— Подъём, — раздалось над головой, как показалось Илье, через пять минут после того, как он закрыл глаза. — Чай готов, извольте кушать.

— Ох... Сейчас. — Илья сел, попытался протереть глаза и в очередной раз чертыхнулся, когда лица коснулись шершавые бинты, а пальцы прострелила боль. — Сколько времени?

— Шесть. А что? Тебе какая разница? Ты ж на больничном.

— Да так, привычка... Вы скажете, что за дело-то?

— Марш чай пить. Надо сходить кой-куда да вернуться через часик. А то народ утром начнёт по деревне шарахаться — а меня не будет.

— Понял. — Илья заторопился в кухню.

— В общем, так, — начала Ольга Серафимовна, закрывая за собой и Ильёй калитку, — мы идём к бабке одной. Как назвать-то её, чтоб понятно стало... Знахарка? Травница? Ведунья? Одно слово — раньше бы ведьмой назвали. Людей она не особо привечает. Ну, меня пускает к себе. Избёнку её просто так и не разыщешь. А если ненароком подойдёшь ближе, чем ей надо — отведёт. И дорогу забудешь.

— Ого...

— А ты как думал. Истинные секреты сами себя охраняют... Ты, главное, помалкивай и держись за спиной. Говорить буду я.

«Вот это да. Колдунья! Как будто в книгу или сказку попал... Ха, страхоборец, а ты сам — не герой сказки, что ли? Как самому магией пользоваться — так «служебные обязанности», а как к колдунье-целительнице повели — решил скептика включить. Ну-ну...»

На самом деле Илье было до жути интересно. Именно «до жути». Какое-то странное предчувствие кристалликами снежной крупы зацарапало спину вдоль позвоночника. А вдруг эта колдунья — злая?

Полусонный лес неохотно пропускал незваных гостей через свои владения. Под ноги подворачивались невидимые в траве коряги и муравейники; ветки хватали за одежду и норовили стегнуть по лицу. Ольга Серафимовна шла неторопливо, но легко и плавно, будто плыла по воздуху меж стволов над едва намеченной в траве тропинкой. Илья не без труда поспевал за ней, мысленно добрым словом вспоминая тренировки ехидного Рымаря.

Примерно минут через пятнадцать пути его провожатая остановилась, подняв руку в предупреждающем жесте: «Тихо! Замри!» Постояла с минуту, к чему-то прислушиваясь.

— Стой тут, — сказала она шёпотом, не оглядываясь, и шагнула вперёд. Илья изумлённо заморгал: фигура его провожатой странным образом мгновенно пропала из виду, будто Ольга Серафимовна скрылась за занавеской, на которой были нарисованы стволы берёз и седые от росы папоротники. Послушал поле Страха: ага, вот, за Храброй тянется дорожка истончившейся плёнки голубого сияния, по нему можно проследить, куда она движется... И вдруг эта дорожка оборвалась — буквально шагах в пяти. По спине побежали мурашки. Куда она пропала?

— Пойдём. — Ольга Серафимовна возникла прямо перед Ильёй так же неожиданно, как исчезла. — Разрешили. Не отставай только, старайся след в след идти.

— Это что тут такое? — шёпотом спросил Илья. — Куда вы пропали? Какой-то портал?

— Не знаю я, что у вас там за порталы, — отмахнулась Храбрая. — Морок это. Чтобы чужие тропинку к избе не нашли.

— А-а, — протянул Илья, будто понял. А что — если подумать, чем портал не морок? Кто-то вошёл в него в одном месте — а появился в другом. Те же чудеса. Только вот порталы — это из области фантастики. А мороки — вот они, реальны, как берёзы и муравейники. Быт обычной лесной колдуньи. Охранная сигнализация. Подумаешь, эка невидаль...

Избушка «ведьмы» до странности напоминала нынешний дом Ильи, только крыльцо было повыше да брёвна чуть потоньше. Хозяйка стояла, привалившись спиной к стене и сложив руки на груди, и с усмешкой смотрела на приближающихся визитёров.

Только увидев её, Илья от неожиданности споткнулся, неуклюже взмахнул руками, задел ближайшую ветку и зашипел. Колдунья с интересом оглядела его забинтованные кисти. Илья с не меньшим интересом уставился на неё.

На ведунью или захарку лесная жительница совершенно не походила. Возраст — лет пятьдесят, может? Не понять. Смотрит молодо, но волосы совершенно белые, да и морщинки вокруг глаз — густой сеточкой. Аккуратная короткая стрижка, сережки-капельки в ушах — в лесу? В такой глуши? Зачем?.. Спортивная фигура, острый взгляд сквозь толстые линзы очков в изящной оправе. Профессор или как минимум доцент. На отдыке, даже не на полевой

практике. Одета колдунья была в синие вельветовые брюки и серый свитер ручной вязки.

— Привет, — сказала хозяйка избы. — Меня зовут Юлия Филипповна. Отчество не люблю, просто Юлия, если тебя не затруднит. Будем знакомы, Илья Велесов.

— Здравствуйте. — Илья продолжал ошарашенно разглядывать новую знакомую.

— Когнитивный диссонанс, — мелодично рассмеялась Юлия, верно истолковав его взгляд. — Привели к ведьме, а увидел... Кого увидел, ну-ка скажи. Интересно, угадаешь или нет?

Илья растерянно пожал плечами.

— Учёный... Может, доктор медицины?

— Ну, почти, — улыбнулась Юлия. — Впрочем, в моём случае одно другому не мешает. Может, для колдуньи стать учёным не так-то просто. А вот наоборот... Были бы желание и способности.

— Способности?..

— Ну да. Что-то вроде ваших, страхоборческих. Способность к использованию определённых сил природы, которые пока не поддаются изучению в рамках стандартных научных парадигм. Попросту говоря, если у нас что-то невозможно зафиксировать и измерить при помощи известных приборов, это явление стыдливо записывают в разряд мракобесия и дремучих суеверий и признают его изучение ненаучным. Просто так, без суда и следствия. Ты-то прекрасно знаешь, о чём я.

— Да, нам примерно то же говорили про наш дар. Но его всё-таки где-то изучают.

— Да, изучают, но работы, которые ведутся, мягко говоря, не афишируют. Так и наша научная школа пока не известна широкой общественности. Но она есть, и — да, у нас я могу считаться профессором. Хотя, сам понимаешь, докторских советов, которые бы присваивали научные степени, у нас нет. В миру я была медсестрой. Хоть и высшей категории, но всё же... Даже не врачом.

— Юль, подлатай руки парню, — вмешалась Ольга Серафимовна. — Да нам обратно пора возвращаться. Если дозволишь — он потом к тебе сам, без меня придёт. Наболтаетесь об своём, об научном...

— Так ты его оставь тут да иди, — хмыкнула Юлия. — Я сама его выведу. Заодно метки покажу.

— А, ну да, метки, — кивнула Храбрая. — Ну тогда ладно, пошла я. Герой, за тобой машина-то во сколько приедет?

— В одиннадцать, сказали...

— Ну вот не забудь к тому времени выползти в люди. А я пойду. Делов полно ещё...

Шагнув вслед за Юлией в низкий дверной проём избушки, Илья восхищённо втянул носом воздух. Как тут пахло! Свежее дерево, хвоя, травы... Такой коктейль запахов сам по себе, казалось, уже начал оказывать целебное действие. Во всяком случае, ноющая боль в обожжённых кистях будто бы сразу притупилась.

— Садись. — Юлия указала на скамью. — Руки — на стол ладонями вверх.

Илья подчинился, невольно зажмурившись и стиснув зубы, готовясь к неминуемому усилинию боли, когда колдунья-профессор начнёт производить манипуляции с обожжёнными руками. Но секунды шли, боль не усиливалась, только ощущалось едва заметное давление на ладони, похожее на струю тёплого воздуха из фена, но без шума. Илья приоткрыл глаза. Юлия сидела напротив, протянув руки над кистями пациента, опустив почти вплотную, но не касаясь слегка испачканных зеленью и смолой бинтов. Полуопущенные веки подрагивали, губы беззвучно шевелились.

— Так, — сказала она через десяток секунд. — Я, конечно, кое-что сделала. Но ты, дружок, всё-таки не в сказку попал. — Она усмехнулась. — Мгновенно не заживёт. Процесс ускорится — это да, это могу обещать. Может, даже раза в два. Но всё-таки... — Она убрала руки, сложила их на груди и задумчиво уставилась в низкий потолок. — Дней десять. Если повезёт — восемь. Но особо не рассчитывай.

— Ой... — Илья осторожно пошевелил растопыренными пальцами. — Не болит! А вообще мне сказали — заживать будет недели три.

— Ну вот подели двадцать один пополам — и будет десять дней. А не болит — это, к сожалению, ненадолго. На полчасика примерно.

— Огромное вам спасибо, — с чувством произнёс Илья.

— На здоровьице, — улыбнулась колдунья. — Объяснять, что именно я сделала и как, я, пожалуй, не возьмусь. Скажу коротко: можно попросить у земли энергию роста. Это проще делать весной и летом, сложнее — осенью, и очень трудно — зимой. Поэтому, чтобы лечить людей в холодное время, мы заготавливаем что-то вроде аккумуляторов. — Она поднялась со скамьи, достала с полки деревянный ящичек и сняла крышку. В восхитительную смесь витающих в избе ароматов вплелись нотки мёда и терпкие запахи ещё каких-то трав. — Собираем определённые ингредиенты. Для каждой колдуньи свой набор. Состав смеси ещё надо выяснить, правильно подобрать пропорции. Не быстрое дело, не простое... А потом, когда надо подпитаться энергией, мы это

особым образом завариваем и пьём как чай. Выпиваем в течение дня, а потом уже делимся силой земли с больными.

— С ума сойти, — вырвалось у Ильи.

— Лучше не надо. — Юлия притворно-строго погрозила страхоборцу пальцем. — Кто работать-то будет, если ты с ума сойдёшь? Кстати, расскажи-ка мне сам, что у вас стряслось с командиром. Серафимовна мне буквально в двух словах рассказала, а ты сам там был. Мне лучше бы узнать из первых рук.